

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Как известно, среди методологических подходов к объяснению феномена рациональности доминируют два. В одном случае рациональность трактуется как способ познания мира, который основывается на *ratio* (разуме) и имеет свою структуру, нормы и методы. В данном случае речь идет в первую очередь о научной рациональности, или науке. Во-втором случае рациональность понимается как особое состояние массового сознания и форма массового мышления, атрибутивное свойство определенной культуры.

Классический пример второго подхода к пониманию рациональности оставил М.Вебер, который рассматривал ее как системообразующий признак идеального, т.е. предельно тождественного самому себе, типа капитализма. Показательно, что содержание понятия рациональности у Вебера конституируется не на основе изначального смысла латинского *ratio* как разумного начала. Оно отражало наиболее очевидную черту современного ему капиталистического общества, точнее образа мышления и действий составляющих его индивидов. Эта черта состояла в предельной целесообразности, максимальном соответствии целей и средств их достижения в любой из сфер деятельности человека, но прежде всего в хозяйственной сфере.

Идеи М.Вебера, среди прочего, интересны тем, что представляют одну из первых, но не первую, наиболее известную попытку охарактеризовать реальное состояние массового мышления, выявить его социокультурную обусловленность и в определенном смысле соотнести с подлинным *ratio*, т.е. разумным мышлением. В итоге, его рациональность, это отнюдь не собственно рациональное или разумное мышление.

Способность людей руководствоваться в своем поведении доводами разума подвергалась сомнению и раньше. Я не буду проследивать всю историческую цепочку таких сомнений, а остановлюсь лишь на нескольких ее звеньях.

Прежде всего известный французский социолог и социальный психолог Г.Лебон.

Так, выделяя характерные черты рассуждений толпы, Г.Лебон отмечал, что это “*во-первых*, ассоциация разнородных вещей, имеющих лишь кажущееся отношение друг к другу, и, *во-вторых*, немедленное обобщение частных случаев”.¹

Скорее всего, Лебон излишне категоричен. Но современные исследования отчасти подтвердили правоту высказываний Лебона. Так выделен основной принцип социального мышления, состоящий в том, что люди не спешат делать заключения о частном на основании общеизвестного, но с удивительной быстротой создают впечатление об общеизвестных истинах на основании ярких примеров.² Эти яркие примеры, обращенные к эмоциям, - те самые образы, которыми, по утверждению Лебона, мыслит толпа. В итоге, делаем вывод, преобладание эмоционально-образного мышления над логически аргументированным, несомненно, одна из наиболее характерных черт массового мышления, в том числе и современного.

С этой особенностью массового мышления связано возникновение так называемого “эффекта видимости”, с которым особенно часто сталкиваются политики. Состоит этот эффект в том, что ответственность за существующие социально-экономические проблемы большинство населения перекладывает на то правительство и тех политиков, которые находятся у власти в данный момент времени. В то время как просчеты их предшественников постепенно забываются.

У Г. Лебона мы находим и вобщем-то незамысловатую мысль о том, что образы, предназначенные для того, чтобы повлиять на воображение толпы, должны быть простыми и ясными. Это требование - отражение такой отличительной особенности массового мышления, какой является стремление к непротиворечивой, понятной и предсказуемой картине мира. На уровне по-

¹ Г. Лебон. Психология народов и масс. С. 191.

² Дж. Майерс. Социальная психология. С. 134.

вседневного мышления ориентация на непротиворечивость выражается в поиске так называемой “иллюзорной взаимосвязи”, т.е.

во—первых, последовательности и взаимозависимости случайных событий;

во-вторых, восприятию поведения других как хорошо спланированной и скоординированной акции, вытекающей из их личностных качеств;

в-третьих, склонности искать единственную и достаточную причину происходящих событий;

в-четвертых, принятию информации, подтверждающей сделанные выводы, и отказе от той, которая ставит их под сомнение и т.п.

Отчасти такого рода особенности мышления были выражены теорией когнитивного диссонанса.

Интересные рассуждения по этому поводу имеются и у Х. Аренд, которая проводит всеобъемлющий анализ тоталитарного общества.

“Не факты убеждают массы и даже не сфабрикованные факты, а только непротиворечивость системы”.

Повторение “важно только потому, что убеждает в том, что непротиворечивость существует во времени. Случайность, пронизывающая реальность, есть именно то, что массы отказываются признавать”. И по этой причине, делает она весьма оригинальный и заслуживающий внимания вывод, “массы предрасположены ко всем идеологиям”, которые “объясняют факты как простые примеры законов и отвергают случайные стечения обстоятельств”.³

Исследуя склад мышления масс, сформированный условиями тоталитарного фашистского общества, Х. Аренд характеризовала его также как смешение доверчивости и цинизма, которое, по ее словам, превращается в способность «верить всему и не верить ничему, верить в то, что все возможно и что ничего нет истинного».

³ Х. Аренд. Истоки тоталитаризма. С. 464.

Э.Фромм, характеризуя мышление авторитарной личности, отмечал, что ради преодоления чувства бессилия эта личность сливается с кем-то или чем-то более сильным, способным взять на себя ответственность за ее поступки, и в итоге быстро отказывается от собственных убеждений, усваивает тот тип мышления и способ поведения, который свойственен окружающему большинству.

Существенным элементом сознания масс является социальная мифология, т.е. широкое распространение надежд на достижение значимых целей посредством не реальных, а по существу магических, волшебных действий.

Изначальное происхождение социальной мифологии было вызвано пробелами в знаниях первобытного человека. Старейшины пытались скрыть эти пробелы с помощью эмоционально окрашенной фиксированной системы верований. Делая непонятное понятным, объясняя даже то, что не имеет объяснений (преодоление смерти и действие сверхъестественных сил), мифы обосновывали магические действия, задача которых состояла в создании желаемого будущего.⁴

Так называемое перестроечное время на просторах бывшего СССР - ярчайший пример расцвета социальной мифологии. Чего стоят программы перехода к счастливой рыночной жизни в течение 400 или 500 дней (Явлинского, Шаталова и кого-то там еще). А ведь эти программы обсуждались на самом высоком государственном уровне и многие в них верили.

Говоря о проблеме рациональности массового мышления, нельзя не вспомнить негативное влияние различных систем и средств манипулирования массовым сознанием.

Экономя время вспомню лишь В. Парето, который выделил четыре основных направления такого воздействия, или в его терминологии, 4 класса производных.

⁴ Ф. Кликс. Пробуждающееся мышление. М., 1983. С. 161, 172.

Производные, это различные словесные средства, с помощью которых придают видимую логику тому, что на самом деле ею не обладает или обладает не в той мере, в какой субъекты хотели бы верить. Их назначение - увлечь за собой людей.

Первый класс производных - это простые утверждения, образцом которых может служить обращение матери к ребенку: “Слушайся, потому что нужно слушаться”. Здесь реализуется формула: так надо, потому что так надо. Этот способ воздействия действенен, если обращение исходит от надлежащего лица и произносится соответствующим тоном.

Второй класс - убеждение авторитетом определенного человека, традиции, обычая. В примере, который приводит Парето, оно приобретает вид: “Ты должен слушаться, потому что этого хочет папа”.

Третий класс - убеждение со ссылкой на чувства и коллективные интересы, юридические сущности (Право, Справедливость, Закон), метафизические сущности (Солидарность, Прогресс, Демократия, Человечество) и сверхъестественные сущности. В нашем примере это может принять вид такого обращения матери к ребенку: “Ты должен это сделать, потому что это понравится Деду Морозу”.

Четвертый класс - убеждение посредством “вербальных доказательств”, состоящих из неопределенных, сомнительных, двусмысленных терминов и рассуждений, которые не согласуются с реальностью. К производным такого рода В. Парето отнес большинство политических речей, апеллирующих к принципам свободы, демократии, интересам народа прогрессу и т.п. и приводящих в подтверждение своей правоты развернутые, но малопонятные и не поддающиеся проверке доказательства.⁵

Нельзя не вспомнить в этой связи и Г. Маркузе. Как известно, рассматривая происхождение одномерного мышления, он связывал его с изменением в индустриальном обществе форм существования идеологии.

⁵ Р. Арон. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 436- 437.

С его появлением воздействие на сознание и поведение людей стало оказываться не только посредством информационных каналов, но и через новые блага и услуги, предлагаемые потребителям и порождающие у них новую мотивацию.

Как видим, традиция объяснения причин неразумности массового мышления более чем богата. Я упомянул только наиболее яркие примеры.

Значительно беднее, на мой взгляд, выглядит традиция поиска альтернативы неразумности нашего сознания. В этой связи чаще всего говорят о

- широком использовании логической аргументации и стимулировании самостоятельных размышлений человека,

- признании права на существование различных точек зрения, формирование способности к их пониманию, нахождению истины в их сопоставлении.

- формировании мировоззрения, свободного от классовых и иных общественных ограничений, скованности рамками своего исторического времени, ориентированного на общечеловеческие ценности и глобальную перспективу.